

Андрей Битов, Резо Габриадзе

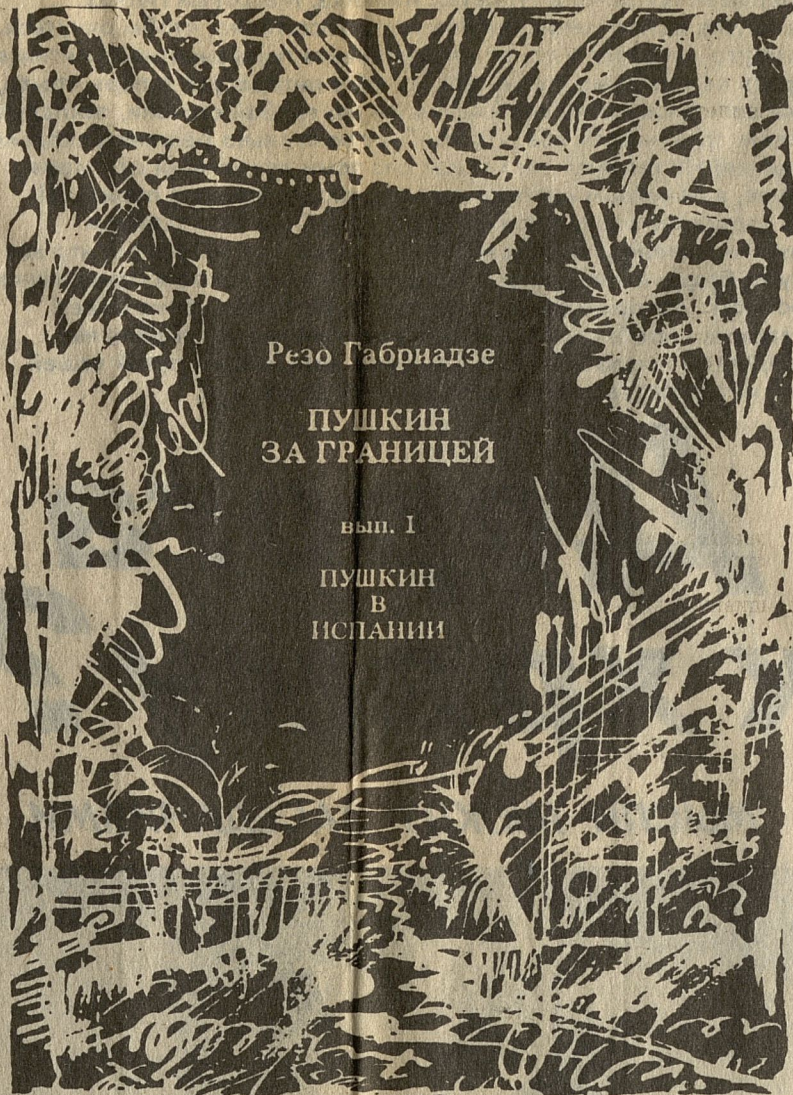
22 апреля, 1989, Париж.

Дорогой Андрей!
Какого счастья не испытал
невыездной А.С. Пушкин!

На память, твой друг,
твоего зятя
Магрид. 22 февраля
1989г.

покинул бы кнз.

Резо Габриадзе

ПУШКИН
ЗА ГРАНИЦЕЙ

вып. I

ПУШКИН
В
ИСПАНИИ

влюбился бы

болеет бы

Дорогой Андрей!
погода бы
кожа...

Свободу Пушкину!

Я в Париже,
Я начал жить, а не дышать.

(Эпиграф из Дмитриева
к I-й главе «Арапа Петра Великого»).

Вот уже почти два века мы перебиваем Пушкину кости, полагая, что возводим ему памятник по его же проекту. Выходит, он же преподносит нам единственный опыт заграничного существования. По Пушкину можно судить — мы ему доверяем.

Рассчитываясь с ним, мы отвели ему первое место во всем том, чему не просоответствовали сами. Он не только первый наш поэт, но и первый прозаик, историк, гражданин, профессионал, издатель, лингвист, лингвист, спортсмен, любовник, друг... В этом же ряду Пушкин — первый наш невыездной.

Тема «Пушкин и граница» достаточно обширна, но и очевидна, чтобы долгим текстом отнимать здесь площадь у свободного рисунка. Достаточно сказать, что Пушкин много раз хотел за границу и столько же раз его не пустили.

Еще в 20-м году молодой Тютчев живо обсуждает с Погодиным слух о том, что Пушкин сбежал в Грецию. Это и тогда было неудивительно.

В 1824-м, уже в Михайловском, Пушкин пробует и так и сяк переменить участь, изобретает себе «аневризм», который лечат лишь в Германии. Получив окончательный отказ, болезнь тут же проходит. Желание не проходит.

«Плетнев поручил мне сказать тебе, что он думает, что Пушкин хочет иметь пятнадцать тысяч, чтобы иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следовательно, не надо их доставать ему». (А. А. Воейкова — В. А. Жуковскому).

Желание увидеть Европу перерастает в страсть, хотя бы пересечь границу. Ему уже равно, что в Париж, что в Китай.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни ездили, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегаю:
К подножию ль стены далекого Китая,

В кипящий ли Париж, туда ли, наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Предем...

Но и в Китай не пустили.
Как всякий дворянин он может покинуть Россию, но царь будет «огорчен». Огорчение это дорогого стоит...

Пушкин отправляется в «самоволку» — Грузия единственная доступная в России за границей.

«Лошадь моя была готова. Я поехал с проводником. Утро было прекрасное. Солнце сияло. Мы ехали по широкому луку, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала река, через которую должны мы были переправиться. — Вот и Арпачай, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арапата. Я поспешил к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь колючую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России».

Удивительным образом фантазия авантюрного побегу каждый раз совпадает с творческим кризисом, предшествующим творческому же взрыву. Не вышло уехать, и — «Годунов!» Не вышло еще раз, и — Болдинская осень...

«Европеец» Брюллов:
«Вскоре после моего возвращения в Петербург, вечером, ко мне пришел Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отнекивался, но он меня переупрямил и утащил с собою. Дети его уже спали. Он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно и рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья. Я не утерпел и спросил его: «на кой черт ты женился?» Он мне отвечал: «Я хотел ехать за границу, а

меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, и женился».

Настоящий европеец, дипломат, вспоминает: «В разговоре с какой тоской говорил он о Лондоне и Париже».

Это накауне дуэли.
Невыносимо!
Мы часто, неакадемически, а по-человечески, думаем, что было бы, если бы Пушкин не погиб в 37-м...

Что бы он написал?
Как шла бы российская жизнь дальше, если бы в ней хотя бы присутствовал Александр Сергеевич? А здоровья в нем было лет на девяносто, до конца века.

Что было бы, если бы...
Если бы Пушкин увидел Париж и Рим, Лондон и Вену... Что было бы, если бы и они увидели его?

«Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как заезжий фигляр и в дожде непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то возводя их в потолок. Разговаривая его с Дегу, с Корнелем и Декартом не были б пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль естественную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека».

Что было бы, если бы...

Хорошо бы было.

Я попросил Резо Габриадзе выдать Пушкину визу.

Он сделал это тут же и без промедления.

Андрей БИТОВ.
22 апреля, 1989, Париж.

в Севилью!

ОТ РЕДАКЦИИ: Книга «Пушкин за границей», фрагменты которой вы видите, вышла в Париже, в издательстве «Синтаксис» в количестве ста экземпляров. Нарисовал ее Резо Габриадзе, который, как и А. Битов, «болеет» Пушкиным и из Испании собирается отправить его в Париж, Нью-Йорк, Китай и, конечно, в Грузию.

MADRID
Febrero
22
1989
твоего зятя

А.С. Пушкин делает вид,
что не узнал П. Мериже.

Ного. Гамак. Луна. Цикади...

Тамара бы!

Н.В.Томов хочет слушать А.С.Пушкина,
но поэт молчит и смеется вдаль.

обиделся бы в узкой темн. кипариса